

«Малая планета» или «Восьмое чудо света»

После получасовой езды к озеру Зайсан, от трассы Курчум - Черняевка, в дрожащем от зноя воздухе появляются вдруг мерцающие огни на пламенеющих башнях и куполах. «Очередной «мираж?»». Но на этот раз мираж настойчиво «прокручивает» одну и ту же цветную картину. «Что там?» - задаешься вопросом. Но чем ближе подъезжаешь к «призрачной» картине, замечаешь - пламя становится ярче, красок прибавляется. И вскоре убеждаешься - не мираж, а среди пустыни фантастический, неземной мир... Огни с приближением, мертвеют, но краски разгораются - становятся еще ярче. Наконец, глазам поверить трудно: открывается удивительная панорама цветных глин. Это и есть широко уже известный уголок Зайсанской котловины - Киин-Кириш. Но удивление не проходит, оно усиливается, когда холмы стреляют брызгами белого огня, будто на глины высыпались все звезды ночного неба. Так искрятся мелкие друзы гипса на красных глинах. Киин-Кириш можно назвать «Восьмым чудом света». Не побывать здесь - значит не увидеть горящей огнями древности котловины. Захватывает дух от всей панорамы, словно оказался чудом каким-то на неизвестной планете. Хочется пойти вглубь, чтобы увидеть все чудеса многоцветной пустыни, которые она обещает. Пересохшая до звона глина, крепкая как цемент, гулко отзывается под сапогами сапог. Каждая сопка здесь многослойная, как рулет сложенная слоями разноцветных песча-

ных и глинистых пород: слои ослепительно белые, густо-красные, зеленовато-серые, коричневатые, бордовые, кирпично-красные и снова белые, голубовато-серые, почти синие...

В них ни пыли, ни грязи - ветры, как прилежные дворники, дочиста подмели проходы между горюшками и куполами, обмели каждую «юрту». Есть горные хребты высотой в 10-15 м. В них - обрывы с темными глазами пещер, извилистыми трещинами. В «горячие» цвета этих сооружений совершенно неожиданно вклиниваются пласты либо сопки полностью белые, голубоватые, синеватые, черные, с разными оттенками и полутонами. Удивляет рельеф «Зайсанской планеты». Гривы - идеальная копия горных ландшафтов: склоны, обрывы, овраги, лога - все, как и полагается горным хребтам. Но игра слепых сил природы на этом не остановилась, она пошла дальше - по склонам миниатюрных «Гималаев» расстелены ковры зеленого лишайника, выше же, как и положено, - зеленеют покрытые листовыми лишайниками «горные тундры». А потом начинается и снеговая линия - на гребнях лежат ослепительно белизны «вечные снега» белоснежных глин. Ну, как не удивиться такой копии, поразительному подобию? Каким художником сотворена панорама целой планеты? Словно он - «Великий художник» - сотворил все это на раскаленной земле, списывая картины горной панорамы с хребтов Алтая и Саура, окружающих Зайсанскую котловину.

Это первое впечатление... Но если перевалить «хребты», пройти цветными «долинами», на которых стоят одиночные «деревца» удивительного по форме многолетнего растения с игловидными листочками в виде шара - анбазиса, очарование от увиденного лишь усиливается.

Шествуя закоулками фантастического ландшафта, древний пейзаж его наводит на мысль, что если вдруг откуда-то выйдет динозавр или еще какое-нибудь доисторическое животное - не удивишься, здесь примешь все как должное... От вымершей экзотической фауны сохранились и останки таких позвоночных животных, как гигантские черепахи, из непарнопалых - кандияторы, бронотерии, халикотерии; из парнокопытных - энтелодонты, антракотерии, а также разные тапиорообразные животные, носорогообразные, рыси и другие мелкие млекопитающие.

Здесь же есть настоящие, идеально сложенные горные хребты, изрезанные ложками, долинами, с отрогами и гребнями. На вершинах их есть «настоящие тундры», покрытые листовыми лишайниками, а выше, как и положено - белеют «вечные снега». Просто удивительно, в этих глинах природа постаралась отобразить сама себя по единой концепции и схеме. В подножных долинах, петляющих между холмами, подобно игрушечным баобадам стоят головастые кустики солянок - анабазисов. Тут же попадаются свернутые, как сухой лист, порывшие от солнца шкурки ушастых ежей, ставших добы-

чей филинов.

В коридоры, ведущие между пламенеющих откосов и обрывов, за каждым поворотом выплывают сургучно-красные, белые, бордовые, синие и голубые, зеленоватые, черные, рыжие слои. И всюду - громадные отколовшиеся куски; часты небольшие гроты, промоины, в которых змеятся тени и прячутся совы - филины и домовые сычи. Час, другой побродишь по «закоулкам» цветистого массива на выжженной солнцем равнине, и желание открывать удивительное на «Зайсанской планете» не угасает. Однако по истечении 3-5 часов наваливается усталость - от солнца, от красок, от зноя. Вот тогда и вспоминаешь, что Киин-Кириш с казахского, переводится, примерно, как - «трудный». А после нескольких дней пребывания цветистое чудо превращается в «ад»: нервная система сдает, не выдерживает: начинаются цветные галлюцинации; люди встают и бродят ночами.

Нередко на окаменевшей глине встречаешь отпечатки волчьих, лисьих и даже утиных лап(!). Глину и ломом не возьмешь, а в ней «свежие» следы... Оказывается, во время редких здесь дождей глина раскисает, и свои автографы на ней оставляют здешние обитатели. Так же оставили отпечатки и представители древнейшей флоры, процветавшей в условиях тропического климата, когда росли пальмы, магнолии, араукарии, гинкго, секвойи, и многие другие деревья и кустарники, в наше время сохранившиеся близко к экватору. Наряду с тропическим растительным миром была начавшаяся с мела эпоха - 135 млн. лет назад и длившаяся почти 70 млн. лет. Это было время не только крупных пресмыкающихся, зубастых птиц и первых плацентарных зверей, но и время, когда на земле господствовали папоротники и голосеменные растения. Перестояли глины периоды, ознаменованные интенсивным горообразованием, мощными оледенениями, на заре появления растений и животных, близких к современным, вплоть до появления человека.

Климат постепенно менялся, становился более сухим и холодным. Но флора все еще сохраняла субтропический облик: шумели здесь широколиственные, листопадные леса, как платаны, ольха, карагач, каштано-дубы, грабы, дзельква, лещина, коричный лавр... Отпечатки - «вещь упрямая» - они стали безупречными свидетелями прош-

лого.

Теперь среди «пылающих» глин прочно поселилось безмолвие: нет шума листвы. И показалось бы, что время остановилось, мир звуков безвозвратно исчез, если бы не тонкий, пронзительный визг стремительных стрижей, что черными стрелами прошивают небесную синь, чеканье пустынных каменок, да унылое поскуливание стаек монгольских снегирей. На некоторых уступах высокого обрыва, от которого начинаются открывшиеся глины, темнеют старые и жилые гнезда соколов - балобанов, кураганников и центральноазиатских канюков. Здесь часто с первыми лучами солнца откуда-то появляются атайки, такие же красные как эти глины, за что их и называют еще красными утками или огарями. Это они после дождей оставляют на глинах лапчатые следы. Утки садятся на холмы, что-то высматривают и громко переговариваются гнусавыми голосами. Наконец, что-то обсудив, снимаются и улетают, чтобы потом появиться вновь.

Из зверей, бывает, вспугнешь отдыхающего в пещерке монгольского зайца, лисицу или даже волка... Где над глинами вздымается борт громадного обрыва, там из куртин спиреи и караганы вырвется внезапный, звонкий щелк степной или малой пищухи, и снова над этой «планетой» повисает дремучая тишина; кажется, что голые холмы и башни погружаются в тяжкое раздумье о прошлом. Бывает, присядешь на минутку в тени, дух перевети, но ноги сами вудут дальше в

цветные дебри в поисках новых чудес.

Киин-Кириш однажды удивил тем, что в полдень, когда солнце стояло в зените, ареолы иглистых листочков кустиков анабазиса, смахивающие на ежиков, из зеленых стали вдруг синеватыми: позеленели наши лица и руки, а глины поблекли и, утратив насыщенную красноту, стали морковными. Все стало неузнаваемым, будто и правда все происходит на чужой планете. Удивление прошло не сразу, пока не разобрались, что при определенном освещении, в некоторых расщелках, среди бордовых холмов, резко меняется цветность.

Сколько бы раз ни посещал эти места, они воспринимаются всегда новыми, и не перестаешь удивляться фантазии слепых сил природы. В часы, когда утихают ветры, когда воздух стоит без движения, а солнце палит изо всех стволов, все кажется скованным невыразимой печалью, погружено в вековечный сон, и кажется, что бредешь где-то в подводном мире: вокруг ни звуков, ни шорохов, только глины штурмуют красками, «сжигая» воздух, жарко дышат тебе в лицо.

В час заката, когда прощальные лучи высвечивают вершины холмов, глины словно раскаляются, становятся багровыми до первых звезд. В ночи пустыня оживает: монотонно поет пустынный кузнечик - онконотус, стрижи с волнующими голосами ввинчиваются и уходят в вышину, где будут «отсыпаться» до рассвета. Время от времени тоскливо прокричит домовый сыч, ухнет, словно из подземелья, фи-

лин... В час наступления темноты все погружается в таинственное прошлое. Здесь все по-прежнему, так же, как и было, когда на земле не было еще человека.

Только опираясь на собственное воображение, можно представить картины прошлого: глины осадочного происхождения - миллионами лет формировались в спокойных водах. Частичка за частичкой, слой за слоем - и получались разные по составу пласты песчаных и глинистых пород. Каждый слой с определенным химическим составом запечатлел в своих красках минувшее. Еще миллионы лет зеркала заливов, окруженные буйными лесами и околводной растительностью, блистали под щедрыми лучами тропического солнца. Мягкий климат способствовал процветанию безмятежной жизни растительного и животного мира. В тени береговых пальм и араукарий, в прохладе гигантских папоротников и хвощей, плаунов кормились и отдыхали гигантские черепахи и удавы... Годы и века транзитом стремительно летели в прошлое... Ступени эволюции живой природы караванами проходили сквозь эпохи и периоды. И вот «геологическая книга» - Киин-Кириш оказалась сокрытой под толщей наносных почв пустынной части Северного Призайсанья. Наступило время, и книга эта открылась, с ее страниц считываются эпизоды истории этой земли. На пути похолодания и к засухе менялись климаты и высыхали теплые озера, исчезли древние и нарождались новые растения и животные. И вот на желтоватой зайсанской полупустыне с лентами рек Черного и Белого Иртыша кулоном блистает в крутых берегах серебристый Зайсан, над которым некогда летали тучи птиц, похожих на современных, и пели скучные ветры, несущие холод и засуху. Прошлое зарастало степными травами - ковылями и полынями, типчаком, а еще саксаулом и тополями, чингилем и джидой... Земля уже меняла сезонные одежды; современная растительность из тысячелетия в тысячелетие смелее завоевывала эти пространства.

Так и осталась бы эта книга закрытой, но и здесь природа оказалась щедрой: все, что копила и скрывала в толщах вод и под слоем почвы, словно разочаровавшись, открыла свету, чтобы вспомнить далекие, ушедшие времена. Она сняла верхний покров, пядь за пядью обнажая сокрытое во чреве. И среди всевозможных отпечатков

растений и окаменевших костных останков выдала свидетельство существовавших здесь древних приматов, живших около 30 миллионов лет назад. С каждой весной, после сезонных дождей, то там, то здесь выглянет из глин чья-то окаменелая кость или покажется из глубины гипсовая друза. Жизнь глин, как бы вспять, продолжается.

Киин-Кириш - жемчужина третичного периода, детище исчезнувших морей и заливов. Они взяли у моря нежную голубизну; сохранили изумрудную зелень первобытных лесов и черноту древних ночей. А потому что чиста была вода и «жарче» светило солнце и были ближе звезды, это все спрессовалось в свечении гипсовых друз, несущих в себе синеву глубин, лазурь разливов и сквозную прозрачность небесной чистоты.

Полыхают в закатах останцы глин; полон прежней тишины и покоя Киин-Кириш. И каждый, вошедший в пламя прошлого, хотел, чтобы сохранилось чудо это навсегда. Голландские натуралисты, однажды посетившие этот уголок, выразили желание взять на себя расходы по сохранению Киин-Кириш - восточно-казахстанского Колорадо. Это лишний раз говорит нам, что мы обязаны сберечь цветистую «империю эпох»... Глины почти то же самое для Призайсанья,

что для Алтая - Белуха, и расположен этот замечательный уголок (1 на 1,5 км) в северной части котловины, в пределах видимости от горы Кара-Бирюк.

В руках у меня тяжелый, величинной с утюг, гипсовый кристалл: разломил надвое и держу половины, похожие на глаза чудовища, очнувшиеся ото сна. Молчаливо и тревожно смотрят «глаза» на этот мир, и в каждом жив еще древний свет: водянистая прозрачность, исписанная радужными разводами; в них светится исчезнувший мир. И, кажется, слышен голос солнца, шорох тропических лесов и всплески былинного моря, окруженного безымянным первогорьем Алтай-Саурских хребтов. Молодо все и живо в гипсовом «оке». Всё чисто, всё, как в зеркале - вечерний закат и человек, пытающийся заглянуть в прошлое земли Призайсанья.

Разрез Киин-Кириш, если говорить языком ученых, содержит пять флористических горизонтов и четыре с костными остатками субтропической фауны. По насыщенности ископаемыми остатками и разнообразию континентальных отложений палеогена, на границе эоцена и олигоцена в Европе и Азии нет равных ему, поэтому он имеет международную значимость.

Б.В. Щербаков, член Союза писателей РК,
сотрудник областного этнографического музея